

Ю. В. Синеокая

РОССИЙСКАЯ НИЦШЕАНА

Так удивительно сложилась «русская судьба» немецкого философа Ф. Ницше (1844—1900), что спустя более ста лет после знакомства отечественной публики с его сочинениями он вновь стал одним из самых читаемых авторов в России на рубеже XX—XXI веков. Историю российской ницшеаны легко уподобить размахам маятника: от враждебного неприятия — до поклонения, граничащего с низкопоклонством, — и вновь к полному отвержению, вплоть до абсолютного изгнания из культуры, сменившегося резким взлетом симпатий и сочувственным интересом к произведениям и личной драме Фридриха Безумного.

Первый бум популярности творчества Ницше в России пришелся на начало XX столетия. Количество дискуссий вокруг идей философа, а также переводов его работ и переписки, возрастало стремительно. К концу первой декады XX века насчитывалось более ста статей и монографий на русском языке, проникнутых как про-ницшеанским, так и contra-ницшеанским пафосом. Было издано около ста переводов его прозаических, стихотворных текстов и произведений эпистолярного жанра. В то время не было другой страны, помимо, разумеется, Германии, где Ницше был бы так известен и обсуждаем, как в России. Однако после революции 1917 года ситуация коренным образом изменилась. Уже в 1922—1924 годах, в результате проводимой социалистическим правительством «культурной политики», его книги были запрещены и изъяты из библиотек, а писатели стали избегать открытого упоминания Ницше в своих сочинениях. Запрет на произведения Ницше был столь жестким, что официально признанные цензурой авторы рубежа веков, чьи имена оказались вне критики в Советской России (М. Горький, В. Маяковский, др.), подверглись разрушительной «деницшефикации».

Резкое усиление внимания к сочинениям философа в Европе во время Второй мировой войны получило некоторый резонанс и в России. О Ницше ненадолго вспомнили. Однако его имя продолжало употребляться в сугубо негативном контексте, наиболее часто как синоним фашизма, наряду с именами Гитлера и Муссолини, а остававшиеся недоступными для читателей произведения, на основании вырванных из контекста цитат, были объявлены «идейным базисом фашистской идеологии».

Табу на наследие немецкого философа сохранялось в Советской России в течение более полувека. Вплоть до середины 1980-х официальный режим продолжал видеть в Ницше идеологического врага и воплощенное зло западного империализма, милитаризма и агрессии. Свободные от ходячих идеологических стереотипов и штампов исследования и интерпретации сочинений Ницше грозили серьезной опасностью их авторам. По мере ослабления давления коммунистической идеологии началось постепенное возвращение творчества Ницше в отечественную культурную традицию.

Сходные процессы можно проследить и в интеллектуальной истории стран Восточной Европы. За время холодной войны роль Ницше как катализатора процесса модернизации в этих государствах была практически позабыта. Восточноевропейская ницшеанская литература начала столетия оставалась не востребованной долгое время и стала практически неизвестной новым поколениям. Судьба ницшевского наследия в странах социалистического лагеря оказалась зависимой от российской, во многом повторив «русский путь». Начиная с 1989 года имя Ницше вновь входит в повседневный культурный обиход и философский дискурс бывших стран Варшавского договора¹. Последнее десятилетие XX века получило в мировом ницшеведении название «ницшеанского ренессанса в России и Восточной Европе»². И все же, несмотря на схожесть исторических контекстов и тенденций культурного развития славянских государств, трансформация идей Ницше на российской почве носит неповторимый характер.

Сегодня тексты книг немецкого мыслителя вновь издаются и переиздаются огромными тиражами. В печати появились по-

¹ См.: East Europe reads Nietzsche / Ed. by A. Freifeld, P. Bergmann, B. Rosenthal. NY: Columbia University Press, 1998.

² Reschke R. Nietzsche in the German Democratic Republic (1982—1989) // East Europe reads Nietzsche / Ed. by A. Freifeld, P. Bergmann, B. Rosenthal. NY: Columbia University Press, 1998. P. 228.

пуляризированные изложения философской концепции Ницше, даже специальные издания для детской аудитории. Создаются и выставляются живописные циклы на ницшеанские мотивы. Вдохновленная Ницше музыка Р. Вагнера, Г. Малера и Р. Штрауса пользуется огромной популярностью в России на рубеже XX и XXI столетий. Нередко художественные произведения и публицистические статьи соотечественников проникнуты идеями Ницше, а зачастую содержат «раскавыченные» цитаты из его сочинений. Так знаменитый призыв философа к переоценке всех ценностей настолько вошел в контекст культуры повседневности, что и сегодня используется в языке как устойчивое выражение без ссылок и кавычек. Большинство пользующихся этим выражением людей не связывают его с Ницше и не подозревают, что цитируют немецкого писателя. Ницше знают и обсуждают сегодня не только специалисты-гуманитарии-филологи, философы и историки, но и политики, социологи, самый широкий круг читателей.

Однако процесс «возвращения» творчества Ницше чреват серьезными проблемами с возможными долгосрочными осложнениями.

Более пятидесяти лет при господстве коммунистической идеологии имя Ницше если изредка и упоминалось в официальной российской науке, то исключительно в целях официальной демонизации. Эти годы были фактически потеряны для отечественного ницшеведения, но они не прошли бесследно, оставив глубокий изъян в русской духовной традиции. Сложившийся под действием советской пропаганды и отчасти укоренившийся в сознании людей, негативный образ Ницше-имморалиста, декадента, идеолога нацизма, шовиниста и антисемита так и не был серьезно переосмыслен ни на академическом, ни на повседневном уровне. А задача эта отнюдь не простая, ведь нельзя не признать, что сталинская критика ницшеанства звучала убедительно и достигла своей цели в предвоенные и военные годы не только благодаря репрессивному аппарату, но во многом из-за своего антифашистского пафоса и отрицания крайне правого национализма.

Существенный для мировой культуры этап послевоенной реабилитации наследия Ницше отсутствует в русской интеллектуальной истории, в то время как в мировой ницшеане конец 1950-х—1960-е годы стали эрой «денацификации Ницше». Число текстов на европейских языках, авторы которых видели своей целью возвращение философу доброго имени и представляли его творчество в объективном свете, если не превысило,

то по крайней мере оказалось сопоставимо с количеством антиницшеанских памфлетов конца 1930—1940 гг.³ В России же, где было произведено большое количество антиницшеанских текстов, в 1960-е годы публиковался практически один официально признанный специалист по творчеству Ницше — С. Одуев, сохранявший на страницах своих одиозных работ имя философа. Пожалуй, единственным значительным событием тех лет стала публикация в 1967 году в четвертом томе знаменитой «Философской энциклопедии» свободной от идеологических клише статьи о Ницше А. Михайлова.

К сожалению, и посткоммунистическая реабилитация не до конца освободила ницшеанство от связи с фашизмом. По сей день в нашей стране распространен «синдром» неприязни к немецкому философу. Нередко российские исследователи творчества Ницше сталкиваются с проблемой преодоления антиницшеанских стандартов, по которым их порой осуждают.

В связи с растущей популярностью Ницше нельзя не учитывать опыт того, что на русской почве страстная проповедь философа уже приобретала конкретные черты руководства к практической реализации. То, что для Ницше и большинства его европейских читателей было игрой духа и изысканной метафорой, в России становилось базой для социальной практики.

Ницшеанская мысль способствовала подъему национальных движений в Европе рубежа XIX—XX веков. Конечно, национализм оформился в европейской политике задолго до появления произведений Ницше, однако поворот от романтического идеализма к реальной политике национальных интересов не может быть объяснен без учета влияния его идей. Ницше сыграл существенную роль в ориентации европейской мысли на проблему утверждения национального самоопределения, выступив ниспровергателем такой безусловной ценности Просвещения, как космополитизм.

Установка Ницше на созидание новой немецкой культуры и переосмысление того, что значит «быть немцем», вдохновило на сходные поиски самоидентичности в славянском мире. Ницше помог своим восточноевропейским читателям выразить свою индивидуальность на родных языках и вовлек их тем самым в процесс модернизации, поставив в ряды передовых международных движений за национальное самоопределение. Ниц-

³ См.: International Nietzsche Bibliography / Ed. by H. Reichert, K. Schlechta. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1968.

шеанские проповеди послужили толчком к пробуждению культурного национализма в славянском мире.

В России принятие этой стороны учения немецкого философа было подготовлено всей предшествующей славянофильской традицией, а также панславизмом Н. Данилевского, консерватизмом К. Леонтьева и Н. Гилярова-Платонова. Существенно, что в России эти идеи Ницше уже дважды были использованы в реальной истории. Сначала как модель для поворота от культурного национализма к национализму политическому (в предреволюционные годы), а позже — как основание для переориентации от коммунистического патриотизма к национал-коммунизму (в советский период). Сходную картину мы можем наблюдать и в наши дни. Крах официальной коммунистической идеологии привел к усилению русской национал-патриотической оппозиции. Как и в прошлом веке, национализм, возникнув как идеологическое течение в качестве культурно-философской оппозиции режиму, на сей раз коммунистическому, имел первоначально преимущественно культурный характер. Однако уже к 1990-м годам он постепенно приобрел сугубо прагматическую политическую проекцию. Примерно к 1994 году началась постепенная деидеологизация национальной политики, укрепление позитивистско-антиуниверсалистского подхода к нации. Растущая быстрыми темпами популярность сочинений Ницше в эти годы — важный факт в новейшей интеллектуальной истории страны.

Как и в далеком прошлом, в современных оценках и подходах к творчеству философа нет единства: для одних исследователей Ницше — освободитель, искатель истины, разрушитель устаревших и никуда не годных мифов, защитник идейного плюрализма. Другие, напротив, видят в нем антипода русской христианской идеи, воплощение безбожного своеволия и упадка западной духовности, вредное влияние чуждого россиянам менталитета. Серьезное место в современных спорах о Ницше занимает проблема культурной идентичности и национальной судьбы. Идеи Ницше бросают вызов вышедшим из моды ортодоксальным взглядам, вдохновляют на нововведения и экспериментирование в искусстве, расшевеливают движения индивидуального и социального освобождения. Однако и призывы к твердости и грубой силе, и другие, вызывающие тревогу мысли ассоциируются с Ницше: сверхчеловек и толпа, воля к власти, мораль господ и рабов, по ту сторону добра и зла... Философия Ницше изначально привлекает в России внимание тех, кто не удовлетворен традиционной отечественной культурой. Его идеи

могут способствовать как созданию новой официальной репрессивной мифологии, государственного культа сильной Руки, так и становлению новой идеологии сопротивления, свободной контркультуры. Итоги нынешних дискуссий о Ницше определяют не только судьбу наследия философа в отечественной культуре XXI века, но в определенной степени от них будет зависеть и будущее самой России.

* * *

В историко-философской литературе существует несколько вариантов периодизации летописи российской ницшеаны. Все они основаны на смене смысловых акцентов в интерпретации учения Ницше отечественными авторами и в равной степени справедливы. Различие определяется, главным образом, целью конкретного исследования и степенью обобщения эмпирического материала. Ведущий американский специалист по истории рецепции творчества Ницше в России Б. Розенталь выделяет три периода: 1. Эпоха модерна — Серебряный век (этот этап, понятый как вариант русского ответа на общеевропейский культурный кризис, в свою очередь, состоит из двух ступеней: 1890—1909 годы и 1910—1917 годы); 2. Советская культура (1917 — конец 1980-х гг.); 3. Постсоветская культура⁴. Другой подход, известный в отечественной литературе, представляет эволюцию восприятия творчества Ницше в России в виде четырех этапов, которые обозначены как 1. «Ознакомительный» (1890—1899), 2. «Вольной интерпретации» (1900—1913), 3. «Опосредованного влияния» (1914—1989) и 4. «Возвращения философии Ницше»⁵. (Говоря о хронологической последовательности этих этапов, важно иметь в виду, что определенные истолкования ницшевской концепции порой сосуществовали параллельно.)

Возможен и иной взгляд, основанный на статистической оценке количества опубликованных в России ницшеведческих работ за определенный период времени. Упрощение и схематизация такого подхода имеют своей положительной стороной

⁴ *Rosenthal B. Nietzsche, Nationality, Nationalism // East Europe reads Nietzsche / Ed. by A. Freifeld, P. Bergmann, B. Rosenthal. NY: Columbia University Press, 1998. P. 189.*

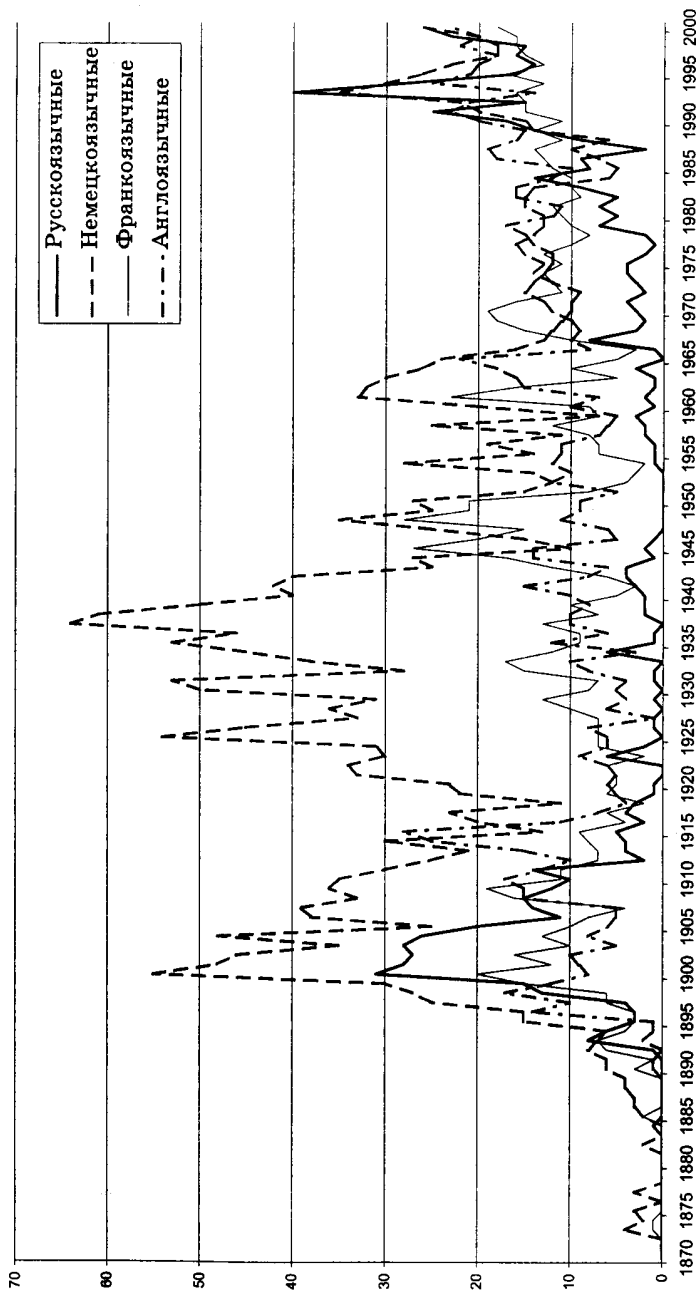
⁵ *Синеокая Ю. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Ф. Ницше и философия в России. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 14.*

возможность представить себе картину в целом. Важно при этом рассматривать ход эволюции российской ницшеаны не изолированно от истории мирового ницшеведения, а сопоставив его с положением дел в странах, занимающих лидирующие позиции по числу изданных в них работ о Ницше. Согласно библиографическим фактам наибольшее число публикаций о Ницше в XX веке было выпущено на немецком, французском и английском языках. (Для построения графиков были использованы материалы Международной ницшевской библиографии Г. Райхерт и К. Шлехта⁶, а также библиография, приведенная в сборнике.) По графикам легко проследить универсальные тенденции в международном ницшеведении. На схеме различимы четыре взлета интереса к творчеству немецкого философа, имевших место в интеллектуальных традициях Германии, Франции и Англии: начало 1900-х годов; конец 1930 — начало 1940-х годов; 1960-е годы; и конец 1980 — начало 1990-х годов. С поправкой на специфическую ситуацию в постреволюционной России можно говорить о том, что отечественная ницшеана в целом сохраняет те же тенденции, что и западноевропейская традиция (за исключением обусловленного идеологической цензурой практически полного отсутствия литературы о Ницше в 1950—1960-е годы). Очевидно, что Россия занимала одно из первых мест среди тех стран, где учение немецкого философа наиболее быстро получило признание, и до кризиса 1917 года прочно удерживала лидирующее положение в международном ницшеведении. Однако, несмотря на хороший задел, восстанавливать утраченную традицию на исходе XX столетия оказывается крайне сложно.

Публикуемые в данном сборнике работы принадлежат «золотому веку» российской ницшеаны, который пришелся на последнюю декаду XIX столетия и полтора десятка лет между началом XX века и Первой мировой войной.

Сто лет назад, как и сегодня, русское ницшеанство не носило характер единодушного принятия идей и положений немецкого философа. Проникновение творчества Ницше в отечественную культурную традицию шло через внутреннюю полемику, опровержение и неприятие ряда положений его философии. Да и понимание идей Ницше в России было далеко не единообразным. Едва ли можно говорить о некоем едином образе Ницше, поскольку каждый отечественный читатель открывал в немецком философе что-то свое. В некоторых кругах имя мыслителя

⁶ См. примеч. 3.

Количество публикаций о творчестве Ф. Ницше, изданных на немецком, русском, французском и английском языках

воспринималось как символ индивидуализма, в других же, напротив, оно означало духовный универсализм, а порой связывалось с патетикой коллективного творчества, потерей своего «я» в культовом единстве и принесением себя в жертву Богу. Его то причисляли к идеологам мещанства, то записывали в союзники русского освободительного движения. Для одних он был исключительно «нигилистом» и «человеком последнего бунта», ломавшим традиционные представления о нравственности, даже «богоборцом» и «разрушителем исторического христианства». Для других — учителем и творцом «высшей морали», богоискателем, «пророком новой веры», более того — провозвестником идеи религиозного синтеза, новой религиозной культуры. Ницше вдохновлял на поиск первоценностей: свободы, красоты, творчества, на эксперименты в искусстве, литературе, музыке. Типичным было отношение к философу как создателю нового мировоззрения, талантливому художнику слова и религиозному проповеднику. Однако, при всем многоголосье мнений и оценок, Ницше, как он был прочитан интеллигенцией на рубеже XIX—XX столетий, оказался настолько близок традиционной отечественной мысли, что это позволило исследователям говорить о нем, как о «самом русском» из западных философов⁷.

О Ницше в России *Fin de Siècle* много писали и спорили. Трудно назвать отечественного мыслителя конца XIX — первой четверти XX века, который бы оставил без внимания философию Ницше. Его концепция оказала творчески плодотворное воздействие на ведущие интеллектуальные направления России той поры: религиозные искания философов-идеалистов, движение символистов и русский марксизм. Способ прочтения Ницше отечественными критиками сформировался, главным образом, в результате интерпретации его творчества такими мыслителями, как В. Преображенский, В. Иванов, Вл. Соловьев, Е. Трубецкой, С. Франк, Л. Шестов. Влияние Ницше на русских интеллектуалов сопровождалось и было усилено, с одной стороны, учениями А. Шопенгауэра, М. Штирнера, Р. Вагнера и Ж. Гюйо, а с другой стороны, экзистенциальными размышлениями Ф. Достоевского, произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, К. Леонтьева, Ф. Тютчева. Отношение к философу складывалось и посредством популяризации его взглядов через поэтические циклы (Н. Минский, З. Гиппиус, В. Маяковский),

⁷ *Гройс Б.* Поиск русской национальной идентичности // Россия и Германия: опыт философского диалога. М.: Медиум, 1993. С. 45.

пьесы (М. Горький, А. Луначарский), романы и рассказы ницшеанского толка (Д. Мережковский, П. Боборыкин).

Дебют Ницше в России пришелся на 1890-е годы. Для этого времени были характерны острые дискуссии о нравственной природе ницшеанства, полемическое обсуждение моральных, эстетических, психологических проблем. Знакомство отечественного читателя с концепцией Ницше состоялось, главным образом, посредством пересказа содержания его книг в критическом изложении на страницах толстых журналов и газет. Особую известность в эти годы получили оценки философии Ницше, высказанные в работах В. Преображенского, Н. Михайловского, Вл. Соловьева, Н. Федорова, Л. Лопатина, Н. Грота, В. Чуйко, А. Волынского, Д. Цертелева. На исходе XIX века были изданы первые переводы на русский язык популярных зарубежных исследований по философии Ницше: монографии Лу Андреас-Саломе (1896), Ф. Рила (1897), Л. Штейна (1888), Г. Зиммеля (1899), А. Лихтенберже (1899). Широко известна была в ту пору книга М. Нордау «Вырождение» (1894), содержащая резкую критику учения Ницше. Появились первые опыты осмысления и использования идей Ницше в художественных сочинениях (роман П. Боборыкина «Перевал», 1893).

Одним из первых значительных популяризаторов философии Ницше как для европейской, так и для российской общественности стал известный датский литературный критик Георг Брандес, уже в 1887—1888 годах подготовивший курс публичных лекций о его философии, имевших шумный успех. Знаменитое и поныне эссе Брандеса 1889 года «Фридрих Ницше: аристократический радикализм», вышедшее в русском переводе всего год спустя, пользовалось огромной популярностью. Некоторые работы о Ницше отечественных писателей (см. Н. Михайловский, Л. Шестов, др.) были написаны в полемике с концепцией Брандеса или содержали ее критический анализ. В 1888—1889 годах Брандес намеревался прочитать в России свой курс лекций о творчестве Ницше, однако этот замысел остался нереализованным. (Препятствием стал цензурный запрет на его книгу «Главные течения литературы 19 века», переведенную на русский язык как раз в 1888 году.) Тем не менее еще до 1900 года, когда тексты Брандеса свободно читались в России, он активно способствовал знакомству отечественных интеллектуалов с произведениями Ницше, пропагандируя его идеи в письмах к своим русским друзьям.

И все же очевидно, что первоначальное (примерно с 1892 по 1899—1900 годы) отношение российских интеллектуалов к

творчеству Ницше можно охарактеризовать в целом как резкое отрицание позитивной роли его учения, в котором традиционно усматривали симптом и отражение кризисных тенденций, присущих европейской культуре. Если обратиться к критическим статьям, откликам и рецензиям последней декады прошлого века, посвященным сочинениям Ницше, бросается в глаза тот факт, что практически все авторы, независимо от конкретного отношения к его идеям — враждебного или, наоборот, сочувственного, — говорили о негативных аспектах ницшеанства. Ницше был превращен в демоническую фигуру апостола имморализма, дьявола, самого антихриста — ниспровергателя христианских ценностей аскетизма, альтруизма, ненасилия и любви. Отрицательные каннотации с именем философа были настолько очевидны, что знаменитая статья Н. Грота «Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой» (1893), в которой русский и немецкий писатели выступали духовными и ценностными антагонистами, рассматривалась⁸ как скрытая попытка автора предотвратить решение Священного Синода об отлучения Толстого от церкви, представив отечественного мыслителя как пример носителя, защитника и хранителя высших религиозных ценностей в противоположность его западному антиподу. Тем не менее, решение об отлучении Толстого все равно было принято в 1901 году.

В последние годы уходящего века был создан устойчивый образ Ницше-декадента, имморалиста, ниспровергателя идеалов, сторонника рабства и крепостного права, безбожника и проповедника зла. А термин «ницшеанец» — крайне популярный в России с конца прошлого века — нередко прилагался к различным оригинальным идеям и теориям, часто напрямую не связанным со взглядами немецкого мыслителя. Это оценочное понятие, прижившееся в отечественном литературном обиходе, носило преимущественно негативный характер.

В России того времени практически все публикации проходили жесткую религиозную и политическую цензуру, сыгравшую существенную роль в малодоступности немецких текстов философа и искажении содержания русскоязычных переводов, качество которых и без того далеко не всегда было удовлетворительным. С появлением первых частичных, а затем и полных переводов произведений Ницше отдельные крамольные мысли просто изымались из них или же заменялись на «более

⁸ *Rosenthal B. Introduction // Nietzsche and Russia / Ed. by B. Rosenthal. Princeton University Press, 1986. P. 11.*

подходящие» по мнению цензора. Следствием такого положения дел неминуемо становилось нарушение предусмотренной автором композиции, а следовательно, искажался и сам смысл произведения. При этом все странности и разночтения приписывались душевной болезни философа. Широкая же публика не сомневалась в том, что читает «подлинного» Ницше.

Сочинения Ницше получили известность в России в то время, когда наиболее распространенные у нас в минувшем столетии философские доктрины — антигегельянский позитивизм и материализм шестидесятых годов XIX века — утратили свою интеллектуальную привлекательность. Доминировавшая в 1870-х идеология народничества к этому времени, не принеся ожидаемых результатов, практически потеряла авторитет в интеллигентской среде. Русская интеллигенция переживала ценностный кризис, теряя веру в свои традиционные идеалы. Начинался поиск новой миссии, нового служения. Марксизм только еще начинал завоевывать сторонников среди отечественных интеллектуалов. Таким образом, никакого доминирующего идеологического направления в России тех лет выделить практически невозможно. Между тем, становилось все более очевидным рождение новой философской мысли, ломавшей установленные позитивистами и рационалистами узкие моралистические рамки, которые считались единственно подходящими для «прогрессивной и критической мысли». Такая переориентация взглядов русской интеллигенции не была вызвана каким-нибудь единичным событием или появлением одной выдающейся личности. «У людей открывались глаза на вещи, доселе от них скрытые. Молодежь стали очаровывать цвет, звук и мистические интуиции, утраченные предыдущими поколениями. Сыновья стали открывать ценности, отброшенные их отцами. Старая крепость российского позитивизма начала рушиться под натиском молодых поэтов, критиков, художников и богословов»⁹. В идейно разреженной атмосфере эпохи возник спрос на яркую, сильную, влиятельную идеологию и философию.

Как в европейских, так и в отечественных интеллектуальных кругах, наряду с прогрессистско-сциентистскими теориями, претендующими на создание всеобъемлющих законченных систем, привычной формой изложения которых служил строгий научный трактат, все большую популярность стали приоб-

⁹ *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж: YMCA-PRESS, 1974. Т. 1. С. 103.

ретать экзистенциально ориентированные размышления в духе А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора. Приоритетное внимание уделялось проблемам человеческой личности, таким первоценностям, как свобода, творчество, мистический опыт и религиозная вера. Экзистенциальность и трансцендентализм составляли характерные черты российского типа философствования, а поиск ответа на «проклятые» вопросы человеческого существования, смысла и цели жизни — был ведущей темой русской литературы. В то же время и ницшеанская критика религии оказалась близка отечественным интеллектуалам. К традиционно невысокому в России авторитету Церкви и Государства, презрению к социальным условностям и «мещанскому» благополучию прибавился атеизм, набиравший популярность в интеллигентской среде с 1860-х годов.

В России последней четверти XIX века, как и прежде была сильна связь отвлеченной мысли и художественной литературы. Произведения поэтов (А. Блок, А. Белый) и романистов (Л. Толстой, Ф. Достоевский) были проникнуты философскими рассуждениями, а метафизически ориентированные мыслители писали рассказы (Г. Чулков, Л. Андреев), стихотворения (Вл. Соловьев, Д. Мережковский), афористические тексты (В. Розанов, Л. Шестов). Признанный литературный талант Ницше немало способствовал его популярности в России. Критицизм и резкая публицистичность, присущие образу мысли отечественной интеллигенции, наряду с духом экстазма, наиболее ярко выраженным в творчестве А. Скрябина, В. Иванова, а также в учении о мистическом анархизме Г. Чулкова, благоприятствовали обнаружению и одобрению этих же черт в сочинениях немецкого мыслителя. Апокалиптические элементы философии Ницше звучали эхом эсхатологическим предсказаниям Л. Толстого и В. Соловьева, а его гневные филиппики против декаданса и нигилизма европейской культуры перекликались с критикой Запада славянофилами.

Многие отечественные гуманитарии были увлечены этикой и метафизикой А. Шопенгауэра и Э. фон Гартмана, что в значительной мере подготовило их к восприятию идей Ницше. Повсеместно обязательное изучение студентами университетов и учащимися гимназий древних языков способствовало высокой оценке Ницше как филолога-классика, интерпретатора и знатока древней истории, приближало читателей к античной проблематике, столь значимой для философа. Во многом это определило интерес к основной теме «Рождения трагедии из духа музыки», наряду с «Так говорил Заратустра» и «По ту сторону

добра и зла», наиболее читаемому в России произведению философа.

Творчество Ницше способствовало европейской славе русской мысли, ее прорыву из тупика провинциализма. На протяжении всего XIX века русская культура пыталась доказать свое общеевропейское, шире, мировое значение. Вспомним, как болезненно и противоречиво решалась эта проблема Достоевским. Однако настоящее мировое признание русская культура получила лишь в конце XIX века. В определенной степени это было связано с популярностью у западного читателя книг Ницше. Он был одним из немногих писателей XIX века, имеющих европейскую известность, кто открыто признавал влияние на свое творчество российских авторов. Ницше интересовался произведениями великих русских писателей — Гоголя, Толстого, Тургенева, Пушкина. (На стихотворение Пушкина «Заклинание» юным философом был написан романс)¹⁰. Широко известна его высокая оценка Достоевского как «единственного психолога, у которого я (Ф. Ницше. — Ю. С.) смог чему-либо научиться». Имя Достоевского упоминалось Ницше неоднократно (см. «Происхождение морали», «Сумерки богов», «Воля к власти», переписка с Брандесом). Некоторыми европейскими критиками, например Г. Брандесом (первым высказавшим эту мысль еще в 1888 году) и Ст. Цвейгом, Достоевский был понят как предшественник Ницше. Существенно также, что термин «нигилизм» получил распространение в конце XIX столетия благодаря и Ницше, и «Отцам и детям» Тургенева. В круг дружеского общения философа входили выходцы из России, глубоко знавшие русскую культуру: Луиза Густавовна (Лу) Андреас-Саломе, написавшая популярный в России очерк о философии Ницше; переводчик работ А. Герцена Мальвида фон Мейзенбург, добрый друг и «совопросник» Ницше; дочери А. Герцена Ольга и Наталия и сын Александр; знаменитая пианистка XIX века М. Ф. Муханова, а также известные в литературных и музыкальных кругах корреспонденты Ницше — княгиня А. Д. Тенишева и князь Л. Д. Урусов.

Интересными и важными казались почитателям немецкого философа его высокие оценки роли России в будущем: «Мыслитель, на совести которого лежит будущее Европы, при всех планах, которые он составляет себе относительно этого будущего, будет считаться с евреями и русскими как наиболее надеж-

¹⁰ *Браудо Е.* Романс на слова Пушкина // Орфей: Книги о музыке. Пг.: 1922. Кн. 1. С. 108.

ными и вероятными факторами в великой игре и борьбе сил»¹¹. Таким образом, Ницше засвидетельствовал универсальное значение русской культуры, ее органическую включенность в культуру Европы.

В России увлечение творчеством Ницше способствовало возрождению интереса к отечественной культуре XIX века. Деятели духовного ренессанса увлеченно искали «русского Ницше» в минувшей эпохе, обнаруживая его не только в Ф. Достоевском (Л. Шестов), но и в К. Леонтьеве (В. Розанов), и в В. Розанове (Д. Мережковский), и даже в М. Лермонтове (В. Соловьев).

Пик популярности философии Ницше в России пришелся на рубеж столетий. В 1900 году было опубликовано первое собрание его сочинений на русском языке под общей редакцией А. Введенского (Собр. соч.: В 8 т. М., 1900; 2-е изд.: В 9 т. 1902—1903). В 1909 году было начато издание полного собрания сочинений Ницше под редакцией Ф. Зелинского, С. Франка, Г. Рачинского, М. Гершензона, Я. Бермана и при сотрудничестве А. Белого, В. Брюсова, М. Гершензона (Полн. собр. соч. М.: Московское книгоиздательство. 1909—1912. Т. 1—4), которое осталось незавершенным. К 1911 году почти все работы Ницше были переведены на русский язык. Учение Ницше, наряду с философией Вл. Соловьева, оказало решающее воздействие на деятелей русского религиозного ренессанса: в центре внимания оказались философские, религиозные, экзистенциальные и историко-культурные вопросы. Это было время выхода в свет отечественных монографий, содержащих всесторонний анализ философии Ницше (см. книги Е. Трубецкого, В. Битнера, Г. Рачинского). Появились серьезные исследования, главной темой которых стало сопоставление концепции Ницше с творчеством известных российских мыслителей, главным образом Достоевского и Толстого. Данной теме посвящены труды Л. Шестова, Д. Мережковского, В. Иванова, Г. Рачинского, В. Щеглова. Публиковалось значительное число художественных произведений (М. Арцыбашев, А. Вербицкая, М. Горький, В. Крыжановская, Д. Мережковский), в которых главными героями были ницшеанцы.

Одной из конструктивных черт русского религиозного ренессанса, отличавшей его от традиционного русского идеализма, стало принятие и творческое переосмысление идей базельского профессора. Духовная атмосфера в России на рубеже веков

¹¹ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 370.

определялась не только влиянием Ницше, но также во многом принципами французского и английского эстетизма, смешанными с идеями Достоевского и Соловьева. Однако именно философия Ницше дала столь сильный импульс к взлету отечественной культуры в полтора десятилетия между началом века и первой мировой войной, что за ним закрепилось звание «великого катализатора» русского неоидеализма¹².

Если позитивное отношение небольшой части отечественной интеллигенции к учению Ницше в 1890-х годах встречалось весьма нечасто, то уже на рубеже веков признание и высокая оценка его работ стали преобладать. Молодое поколение символистов прочитало Ницше так, что это не закрыло им путь к традиционным ценностям кантовской триады — Истине, Добру и Красоте. Деятели русского символизма, стремящиеся к выработке новой концепции искусства и поиску религиозного оправдания смысла творчества (В. Иванов, А. Белый, Д. Мережковский, С. Дягилев), соединили постулаты Ницше и Р. Вагнера с принципами Ф. Достоевского, В. Соловьева, К. Леонтьева. Первоценностями нового эстетического учения стали элитизм, эгоизм, поклонение красоте, творческому воображению и вдохновению. Искусство рассматривалось как высшая форма человеческой деятельности. Писатели и художники видели в Ницше предвестника новой культуры, создателя нового типа человека — отважного, гордого, художественно одаренного и свободного духом. Молодые представители символизма и индивидуализма начала века отождествляли себя с Заратустрой, искренне пытались играть его роль пророка, мятежника и бунтовщика против ценностей старой культуры. Провозглашая художника сверхчеловеком, они видели долг творческой личности в свободном от авторитетов выражении себя, своего отношения к миру.

Философия Ницше оказывала не только консолидирующее, но порой и «разъединяющее» воздействие на отечественных интеллектуалов, принадлежащих к различным «культурным» поколениям. К началу XX века философ получил устойчивую репутацию гениального эстета, имморалиста, разрушителя эстетических идеалов. Именно такой образ Ницше сложился в английском дендизме, французском символизме и русском классическом идеализме. И все же предшествующая логика

¹² *Mlhajlov M. The Great Catalyzer: Nietzsche and Russian Neo-Idealism // Nietzsche and Russia / Ed. by B. Rosenthal. Princeton University Press, 1986. P. 127—149.*

становления отечественной умственной жизни вкупе с общецивилизационными изменениями, которые несла с собой новая культурная эпоха, подготовили настоящий культурный переворот, обусловивший небывалый успех философии Ницше в России.

Событием, знаменующим начало Серебряного века русской культуры, и крупной вехой в истории отечественной ницшеаны стало создание журнала «Мир искусства» (1898—1904), сплотившего разнородные творческие силы в единое движение за новую культуру. «Мир искусства» вырос из ницшеанско-вагнерианского вдохновения отцов-основателей издания С. Дягилева и А. Бенуа. Сама эмблема журнала — орел на снежной вершине, окруженный сияющими звездами — ницшевский символ, отражавший веру автора в то, что мир творческого созидания сокрыт в вышине, далеко от повседневных забот. Там подобный орлу художник — сильный, гордый и одинокий — творит мистерию рождения искусства. Писатели, сплотившиеся вокруг журнала, разделяли разные взгляды на природу и задачи художественного творчества. Однако и сторонники дягилевской концепции «искусства ради искусства», и те, кто вслед за Мережковским рассматривали искусство как теургию, путь к религиозной истине, были преданными ницшеанцами.

Некролог Ницше, опубликованный в траурном выпуске «Мира искусства» (1900), явился программой нового духовного поколения российских читателей Ницше: «Нам, русским, он особенно близок. В душе его происходила борьба двух богов или двух демонов Аполлона и Диониса — та же борьба, которая вечно совершается в сердце русской литературы, от Пушкина до Трлстого и Достоевского. Для того круга мыслей и деятельности, который близок “Миру искусства”, да и для всего будущего русской и европейской культуры Ф. Ницше не умер. Все равно, “за” или “против” него, мы должны быть с ним, близ него... понимая и принимая как согласное, так и противоположное в себя до последней глубины своего чувства и разума»¹³.

Ницшевский призыв к «переоценке всех ценностей» помог русским интеллектуалам найти философское оправдание для утверждения и воспевания полноты бытия, дал новые силы для поиска «смысла жизни». Идеи Ницше сыграли существенную роль в обращении новой формации идеалистов к религиозным основам культуры. Учение Ницше стало средством рас-

¹³ Мир искусства. 1900. Кн. 4. С. 47.

крепощения индивидуальности, помогавшим человеку познать самого себя в античном смысле этого слова, решить, кто он есть и каково его место в мире. Молодое поколение идеалистов обратилось к творчеству Ницше как мирозозерцанию, в основе которого лежала вера в абсолютные ценности духа и необходимость борьбы за них.

Критика Ницше традиционного христианства и воспевание таких «языческих» ценностей, как воля, страсть, красота и чувственность, игнорировали религиозные искания теоретиков «нового религиозного сознаний», страстно желающих преодолеть мертвенность исторического православия. Ницше оказал решающее влияние на апокалиптически интерпретировавших христианство лидеров знаменитого движения начала века «Богоискательство» — Д. Мережковского, З. Гиппиус, Д. Философова, В. Розанова. Свою цель богоискатели видели в обновлении православия и поиске новой формы христианства «третьего завета», способного оправдать человека как он есть, со всеми его страстями и творческими исканиями, освятить пол и сексуальность. Основанное Мережковским в Петербурге Религиозно-философское общество (1901—1903) стало центром интеллектуальной жизни столицы. На собраниях, объединивших представителей интеллигенции и деятелей церкви, велись откровенные дискуссии по вопросам религиозного возрождения: обсуждалась мистическая концепция дионисийского Христа (В. Иванов, А. Белый, А. Блок), оспаривалось традиционное понимание добра и зла (Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Франк), искусство облекалось в ореол спасительной жертвы. Имя Ницше не сходило со страниц журнала «Новый Путь», публиковавшего материалы заседаний общества.

Существенную роль в процессе интеграции философии Ницше в отечественную культуру сыграли московские и петербургские журналы модернистской и символистской направленности, отстаивавшие «ницшеанские ценности»: безусловную свободу художественного творчества, мистицизм, эстетическое чувство. Само появление в России этих печатных изданий знаменовало наступление новой эры в культурной жизни начала XX века. Своей целью поэты, писатели и художники, сотрудничавшие в «Северном Вестнике», «Мире искусства», «Новом Пути», «Весах», «Проблемах жизни», «Золотом Руне» и других изданиях, видели не только в противостоянии враждебной им по духу литературно-философской среде народничества, первых марксистов и мыслителей в духе позднего славянофильства, но шире: в борьбе за духовное возрождение русского общества. Имя Ниц-

ше служило для русских символистов паролем культуры будущего.

На исходе первой декады XX века, после революции 1905 года и поражения в русско-японской войне, отчетливо обозначился сдвиг в интеллигентском умонастроении. Происходило обращение отечественных интеллектуалов к традиции русского идеализма, идущей от славянофилов к Вл. Соловьеву и братьям Трубецким и развивавшейся в стороне от поиска «истинного революционного мирозерцания». Символисты теряли интерес к идеям Ницше и превращались в неославянофилов. В среде отечественных гуманистов крепло желание самоопределения, самоидентификации в культурной традиции, обозначилась тяга к возвращению российской интеллигенции в лоно церкви, к преодолению оторванности церковности России и религии вообще от реальной жизни людей. «Массы не могут жить ни декадентством, ни нищезанятием, ни анархизмом, ни чисто отрицательными революционными идеями... Человечество может быть собрано и поднято на высоту лишь положительными, органическими идеями, лишь абсолютной покорностью Богу... Абсолютное утверждение человеческого, человечества и человека как Бога, человеческой свободы, как последнего, есть страшный обман духа зла, величайший соблазн, окончательное рабство и небытие. Только богочеловеческая свобода реальна, только богочеловеческий путь к ней действителен. В Христе этот путь указан миру», — писал Н. Бердяев в 1907 году¹⁴.

Изменения в интеллектуальной атмосфере времени, непосредственно определявшие духовную ситуацию в стране, не замедлили наложить отпечаток на отношение русских читателей к творчеству Ницше. К 1908 году популярность философии Ницше начала уменьшаться, а с 1912 года отечественные критики в своих исследованиях стали избегать открытого упоминания его имени.

Такая перемена была порождена рядом причин. Решающее значение имел тот факт, что на смену нищезанятию бунту против мертвенности старых, отживших культурных форм пришла новая историко-культурная ситуация, ознаменовавшая заключительный этап русского религиозного возрождения. Духовная жизнь на новой стадии была сосредоточена вокруг образованных в те годы в Москве православного книгоиздательства «Путь» (1910—1919) и неозападнического междуна-

¹⁴ Бердяев Н. Бунт и покорность в психологии масс // Интеллигенция. Власть. Народ. М.: Наука, 1993. С. 122.

родного журнала «Логос» (1910—1914). Эти издания вели оживленную полемику в печати, занимая полярные позиции по принципиальным мировоззренческим вопросам. Так, В. Эрн, один из ведущих идеологов «Пути», непримиримый противник немецкого идеализма и кантианства, вскоре по выходу в свет первого номера «Логоса», выступил с книгой «Борьба за Логос», в которой подверг резкой критике оторванность научной философии от христианской традиции.

Целью единомышленников, собравшихся вокруг «Пути» — Е. Трубецкого, Н. Бердяева, С. Булгакова, Г. Рачинского, П. Флоренского и В. Эрна, было религиозное осмысление культуры, отстаивание русских национальных ценностей как средства осуществления вселенского христианского идеала, провозглашение национальных приоритетов в развитии отечественной мысли, обоснование собственной, отличной от западной, философской традиции, покоящейся на началах христианства и идущей от Г. Сковороды, российских духовных академий, славянофилов и Вл. Соловьева. «Путь» был идейным центром христианско-либерального национализма, в идеологии которого сочетались православие, патриотизм и демократизм. Журнал «Логос», напротив, объединил западнически настроенную интеллектуальную элиту. Ф. Степун, Б. Яковенко, А. Белый, Г. Шпет видели свою задачу в обращении к универсальным ценностям мировой культуры, отрицая как отождествление религии и философии, так и подчинение философии религии.

Определенную роль в охлаждении внимания к текстам Ницше сыграл все возраставший интерес к антропософии, теософии и психоанализу, завоевавшим внимание значительной части российских гуманитариев. Происходило постепенное сплавление ницшеанства с оккультными доктринами. Именно благодаря Ницше, который в конце XIX века одним из первых понял, что содержание индивидуального сознания надиндивидуально и сформулировал проблему индивидуального и коллективного бессознательного, деятели русского религиозного возрождения рубежа веков были вдохновлены идеей создания нового типа человека. Мечтой художников-символистов являлось реальное преображение каждого человека и всего общества в целом. Не только философия, социология, психология, но и разного рода мистические и оккультные движения эпохи становились областями практической деятельности, стремящимися непосредственно влиять на жизнь личности. Именно на этой общекультурной основе формировались психоанализ и антропософия.

Первая мировая война также способствовала разжиганию антиницшеанских настроений. В России было популярно неославянофильское отвержение духа германской культуры (см. работы С. Булгакова, Е. Трубецкого, В. Иванова). Заглавие известной брошюры В. Эрн «Время славянофильствует» (1915) стало лозунгом наиболее резко выражавших антинемецкие настроения членов Московского Религиозно-философского общества. Однако в те годы, когда обвинение Ницше в идеологии милитаризма прозвучало впервые, оно вызвало в среде русской интеллигенции резкий протест. Н. Бердяев прямо писал: «Я не знаю ничего более чудовищного по своей внутренней неправде, чем это желание связать Ницше и современную милитаристскую Германию»¹⁵. В связи с первой мировой войной популярность Ницше упала во всех европейских странах за исключением Германии (см. график на с. 8).

Определенное оживление внимания к философии Ницше, вызванное усилением революционных веяний и эсхатологических ожиданий, можно констатировать в 1916—1917 годах. Так, Белый и Блок восприняли революцию как первую стадию грядущего духовного обновления, рождение нового культурного синтеза аполлонийского и дионисийского начал. В те годы в революционной прессе появился новый образ Ницше-демократа и народного революционера.

В первые годы XX столетия в духовной жизни России, наряду с преобладавшим интеллектуальным влиянием Ницше, все большую популярность стал завоевывать марксизм. И марксисты и ницшеанцы хотели изменений и рассматривали себя как борцов за новый порядок и новую культуру. Примечательно, что Российская социал-демократическая рабочая партия была основана в 1898 году, одновременно с выходом в свет первого перевода на русский язык самой популярной в России книги Ницше «Так говорил Заратустра».

Философия Ницше оказала сильное, хотя и опосредованное влияние на русский марксизм. Традиция сопоставления ницшеанства и марксизма восходит к работам Н. Михайловского, впервые увидевшего близость данных направлений мысли в борьбе личности за свои права. Сходного взгляда придерживались на рубеже веков писатели различных политических ориентации. Так, П. Струве, причислявший Ницше к «самым мощным разрушителям культа довольства» и не видевший ему

¹⁵ Бердяев Н. Ф. Ницше и современная Германия // Биржевые Ведомости. 1915. № 14 650.

равного «среди борцов с культурной буржуазностью»¹⁶, писал: «Есть некоторые точки соприкосновения между Ницше и Марксом, хотя их практические идеалы диаметрально расходятся»¹⁷. Е. Трубецкой выразил мысль о схожести идей Ницше и Маркса еще более определенно: «Ницше мог бы подписаться под положением Маркса и Энгельса, что человеческие идеалы — нравственные, религиозные, социальные и политические суть “отражения классовой борьбы в человеческих головах”, “рефлексии социальных отношений”»¹⁸.

Однако взаимосвязь между ницшеанством и марксизмом в рамках русской религиозной мысли носила порой и принципиально иной характер. Ницше сыграл «роковую роль» в идейной эволюции «от марксизма к идеализму» для ряда мыслителей, ставших впоследствии известными деятелями Религиозного возрождения. Вот одно свидетельство автобиографического характера, принадлежащее С. Франку (автор пишет о времени своего отхода от юношеского увлечения марксизмом): «Я в то время случайно натолкнулся на книгу Ницше “Так говорил Заратустра” и, прочтя после этого несколько его других книг, был совершенно потрясен глубиной и напряженностью духовного борения этого мыслителя, остротой, с которой он заново ставил проблему религии... Под влиянием Ницше во мне совершился настоящий духовный переворот, отчасти, очевидно, подготовленный и всем моим прошлым умственным развитием, и переживаниями личного порядка: мне впервые, можно сказать, открылась реальность духовной жизни. В душе моей начало складываться некое “героическое” мирозерцание, определенное верой в абсолютные ценности духа и в необходимость борьбы за них»¹⁹.

С именем Ницше связан второй этап трансформации марксистского учения в России, пришедший на смену «легальному марксизму» (1896—1902), критически интерпретировавшему теорию Маркса с кантовских позиций. «Ницшеанский марксизм» (1903—1912) представлен именами М. Горького, А. Луначарского, А. Богданова, С. Вольского, ставших впоследствии известными политическими лидерами. Синтез марксизма и

¹⁶ Струве П. Заметки о Гауптмане и Ницше // На разные темы: Сб. статей 1893—1901 годов. СПб., 1902. С. 281.

¹⁷ Струве П. Miscellanea // Там же. С. 176 (см. наст. изд.).

¹⁸ Трубецкой Е. Философия Ницше // Вопросы философии и психологии. 1903. № 69. С. 34 (см. наст. изд.).

¹⁹ Франк С. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 28—29.

ницшеанства помог многим видным деятелям Советской России в поиске пути к «примирению» идеалов социальной справедливости и индивидуального совершенствования, в укреплении героических аспектов марксизма. От обычных марксистов их отличала высокая оценка силы воздействия «иррациональной пропаганды» (посредством мифа и символов).

По мере роста авторитета учения Маркса, значение философии Ницше в России уменьшалось. Однако ницшеанские идеи, оказавшие существенное влияние на специфику отечественной версии марксизма, продолжали подспудно подпитывать большевизм с его «волей к власти», которая, в отличие от первоначального ницшеанского понятия, обозначавшего преимущественно творческую и эстетическую власть, превратилась в сугубо политическое определение.

Марксистски ориентированной интеллигенции были близки призывы Ницше к переоценке ценностей буржуазной культуры и построению нового общественного миропорядка в социалистическом государстве, где равенство станет залогом свободного творчества всех людей. Позитивное истолкование получила идея сверхчеловека, воспринятого как образец героической личности, сильного лидера, служащего народу. Марксизм и ницшеанство объединяла футуристическая концепция «воли к будущему», обратившаяся в тезис о том, что современная действительность, поколения ныне живущих людей получают оправдание и смысл своего существования лишь как материал и залог появления грядущего племени совершенных личностей. Хотя идеи Ницше использовались ницшеанскими марксистами прежде всего для осмысления путей переустройства и новой организации общества, существенными для них оказались также проблемы человеческой свободы, искусства и культурного строительства, осмысление которых также шло через призму ницшеанства.

Ницшеанство во многом, хотя и опосредованно, определило истоки, специфику и эволюцию социалистической культуры в России. Мощнейшее влияние творчества Ницше на отечественную интеллектуальную жизнь в первые годы XX столетия, проникнутость духовной атмосферы Серебряного века идеями и образами немецкого философа не могли бесследно исчезнуть с запретом и гонениями на его работы. Несмотря на то, что единственным аспектом творчества Ницше, непосредственно обсуждавшимся в 1920-х годах, была философия культуры, в особенности интерпретация античности (В. Иванов, Ф. Зелинский, В. Вересаев, А. Лосев), общие мотивы постреволюцион-

ного искусства — антирелигиозный пафос, прославление социалистического сверхчеловека, устремленность и вера в будущее — носили очевидную ницшеанскую направленность. Скрытое влияние Ницше проявлялось в воздействии его идей, призывов и образов, часто принимавших трансформированные формы, на театр, архитектуру, массовые праздничные шествия в коммунистической России.

Ницше и советская культура — отдельная значительная страница в летописи российской ницшеаны²⁰. Несмотря на очевидную, с первого взгляда, несочетаемость ницшеанства (с его культом индивидуализма и свободы творческого самовыражения личности) и коммунистической идеологии (с ее тотальным подчинением личностного начала коллективному), присутствие идей Ницше в интеллектуальной жизни Советской России — несомненный факт.

На ранних этапах советской власти, с присущим тому времени пафосом созидания новой культуры, Ницше оказал большое воздействие как на искусство, так и на идеологию. Отголоски ницшеанского бунта против традиции, вера в возможности человека создать иные духовные ценности и концепция «воли к власти» получили специфическую трактовку в постреволюционной России, повлияв как на различные эксперименты в литературе, театре и кино той поры (С. Эйзенштейн, А. Луначарский), так и на деятельность идеологов и практиков большевизма (С. Вольский, Л. Троцкий, А. Богданов), строивших планы реальных перемен общества под влиянием пережитого ими в молодые годы увлечения идеями Ницше.

Влияние Ницше на творчество Е. Замятина, Б. Пастернака, Ю. Тынянова, В. Каверина и основоположника литературного направления «социалистического реализма» М. Горького широко признано в международном литературоведении. Ницшеанские мотивы легко обнаружить в произведениях представителей акмеизма, пришедшего на смену символизму (Н. Гумилев, О. Мандельштам), и у писателей-футуристов (В. Маяковский, В. Хлебников). Творчество Маяковского и футуризм вообще рассматривались критиками-современниками как сугубо ницшеанское явление²¹.

²⁰ См.: Nietzsche and Soviet Culture: Ally and adversary / Ed. by B. Rosenthal. Cambridge University Press, 1994.

²¹ См.: *Закржевский А.* Рыцари безумия. Киев, 1914; *Rosenthal B.* A New World for a New Myth: Nietzsche and Russian Futurism // The European Foundations of Russian Modernism. NY, 1991; *B. Jang-*

Идеи Ницше нашли применение в сформировавшемся к 1906 году новом философско-этическом движении — Богостроительство», представлявшем собой марксистский суррогат религии. Его идеологи (М. Горький, А. Луначарский), сохраняя позитивное отношение к христианству как двигателю высших человеческих чаяний, называли социализм «религией труда» (А. Луначарский). Свою задачу богостроители видели в обосновании секуляризированной пролетарской религии, призванной дать людям сознание собственной свободы, уверенности в том, что человек — хозяин своей судьбы. Богостроители пытались примирить эстетизм и марксизм, создать «пролетарско-коллективистский миф Сверхчеловечества»²², утверждая первостепенную роль творчества и искусства в социальной борьбе. Рассматривая идеи «Рождения трагедии...» как практическую методологию по освобождению инстинктов масс и трансцендирования самости вплоть до всеобщего слияния в культовом экстазе, богостроители надеялись преодолеть нигилистическое обесценение высших идеалов и создать новую абсолютную первоценность — коллективистского сверхчеловека. Осужденное Г. Плехановым и В. Лениным богостроительство к 1910 году прекратило свое существование. Отзвук идей богостроительства можно усмотреть в программе созданной А. Богдановым литературно-просветительской организации «Пролеткульт» (1917—1932).

* * *

Возрождение российской ницшеаны обычно датируют концом 1980-х годов. Первым текстом философа, републикованным после более чем полувекового перерыва, стало запрещенное цензурой в дореволюционной России сочинение «Антихристианин» (1888), включенное в сборник «Сумерки богов» (1988). В 1990 году московское издательство «Мысль» выпустило двухтомник сочинений Ницше, подготовленный и откомментированный К. Свасьяном. Более 100 000 экземпляров первого издания были распроданы моментально, последующие переиздания этого двухтомника также не залеживались на полках книжных магазинов. Поток публикаций текстов Ницше увеличивался стремительно: Собрание избранных произведений в 2-х

feldt Nietzsche and young Mayakovsky // Nietzsche and Soviet culture. Cambridge, 1994.

²² Страда В. Между Марксом, Ницше и Достоевским // Страна и мир. 1989. № 2. С. 145.

томах, составитель М. Иванова (М.: Сирин, 1990); «Так говорил Заратустра» в переводах Ю. Антоновского (М.: Изд. Московского университета, 1990); В. Рынкевича (М.: Интербук, 1990), Я. Голосовкера и В. Микушевича (М.: Прогресс, 1994); сборник «Ф. Ницше. Стихотворения и философская проза», составитель М. Коренева (СПб.: Художественная литература, 1993); «Злая мудрость» (М.: Триада-Файн, 1993); собрание избранных произведений в 3-х томах, составитель А. Жаровский (М.: REFL-book, 1994), др. Примечательно, что сегодня, как и век назад, большинство публикуемых текстов составили переводы «Так говорил Заратустра». (Первыми книгами Ницше, завоевавшими популярность в России, были «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) и «Так говорил Заратустра» (1883—1884), вышедшие на русском языке соответственно в 1899 и 1898 годах.)

Возвращение Ницше в отечественную интеллектуальную традицию и уважение к его творчеству символизировали радикальное изменение культурной ситуации в стране. В России начало складываться новое поколение ницшеведов. Расширился и изменился не только круг обсуждаемых ими тем, но и сменилась сама парадигма восприятия наследия немецкого мыслителя. Если в прежние времена Ницше олицетворял антибуржуазность в литературе и искусстве, воспринимался, главным образом, как защитник крайнего индивидуализма и критик социализма, то сегодня имя Ницше ассоциируется с проблемами самовыражения в искусстве и поиском новых художественных форм, постструктуралистскими литературными теориями. Ницше интересует читателей прежде всего как практик нового постклассического мышления, критик культуры, альтернативный тип филолога и философа, мастер языка.

В горбачевскую эру либерализации (1985—1991) был открыт запрещенный пласт культуры — читатели впервые получили доступ к сочинениям отечественных религиозных мыслителей. «Побочным продуктом» увлечения русским идеализмом стал взлет популярности творчества Ницше. Появилась реальная возможность узнать об интеллектуальном контексте, в котором складывались различные варианты интерпретации сочинений философа. Не только сам Ницше, но и его сторонники и противники стали рассматриваться официальной академической наукой как серьезные исследователи, достойные изучения и осмысления.

Проблема специфики восприятия Ницше в России является одной из широко обсуждаемых сегодня. Последние годы по-

явился существенный корпус исследований как российских²³, так и зарубежных²⁴ авторов, посвященных созданию и воссозданию русского портрета Ницше. Важным событием в отече-

²³ См.: *Артановский С. Ф.* Ницше на страницах «Весов» // На перекрестке идей и цивилизаций. СПб., 1994. С. 173—186; *Ванчугов В.* Ницше в России: переводы, комментарии... // Женщины в философии. М., 1996. С. 192—200; *Данилевский Р. Ю.* К истории восприятия Ф. Ницше в России // Русская литература. 1988. № 4. С. 232—239; *Данилевский Р.* Русский образ Ницше // На рубеже XIX—XX веков. Л., 1991. С. 5—44; *Коренева М. Д.* Мережковский и немецкая культура // Там же. С. 44—77; *Коренева М.* Властитель дум // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С. 1—21; *Куклярский Ф. К.* Леонтьев и Ф. Ницше как предатели человека // К. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 271—293; *Мочкин А. Ф.* Ницше и Ф. Достоевский // Методологические проблемы историко-философского исследования. М., 1981. С. 26—29; *Носов А. Ф.* Ницше и Вл. Соловьев // Философские науки. 1991. Т. 7. С. 56—67; *Паперный В.* Блок и Ницше // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1979. Т. 491. С. 84—106; *Равдин Б.* К проблеме «Горький и Ницше» // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 17—20; Русская ницшеана: материалы к библиографии произведений Ницше и литературы о нем на русском языке. Екатеринбург, 1997; *Синельникова Т.* Ницше и идейная борьба в России конца XIX — начала XX века // Историко-философские исследования. Свердловск, 1983. С. 67—73; Фридрих Ницше и русская религиозная философия. Сб. статей: В 2 т. (составитель И. Войская). Минск, 1996; *Шестаков В.* Ницше и русская мысль // Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993. С. 280—307.

Следует выделить особо проведение в 2000 году в г. Екатеринбурге Всероссийской научной заочной конференции, посвященной 100-летию со дня смерти Ф. Ницше. Материалы конференции опубликованы издательством Уральского университета в 2000 г. Приложением к материалам конференции стала библиография «Русская ницшеана», составленная Б. В. Емельяновым. Материалы Емельянова были использованы мною при доработке библиографии, публикуемой в данном сборнике. Несмотря на важные находки екатеринбургского коллеги, нельзя не отметить, что предлагаемая им библиография, заканчивающаяся 1996 г., содержит ряд пропусков. (Это еще раз доказывает, что составить абсолютно полную библиографию практически невозможно. На выполнение этой задачи не претендует и моя Расширенная библиография работ по философии Ф. Ницше, вышедших в России с 1892 по 2000 гг.) Однако следует обратить внимание читателей, что Библиография Б. В. Емельянова, к сожалению, содержит ряд грубых неточностей, см. например № 19, 24, 36, 46, 56, 80, 82, 166, 205, 251, 258 и др.

²⁴ См.: Знаменитая серия исследований под редакцией профессора Фордхэмского университета (Нью-Йорк) Б. Розенталя: «Ницше в России» (Nietzsche in Russia / Ed. by B. Rosenthal. Princeton Uni-

ственном ницшеведении, стала публикация в 1999 году иллюстрированного сборника статей «Фридрих Ницше и философия в России», редакторы-составители Н. Мотрошилова, Ю. Синеокая (СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999). В двух разделах книги «Ф. Ницше в России: страницы истории» и «Современные исследования философии Ф. Ницше в России» собраны работы современных исследователей (К. Азадовского, В. Визгина, А. Гусейнова, Т. Кузьминой, А. Лавровой, Н. Мотрошиловой, В. Пустарнакова, Ю. Синеокой), представляющих различные оценки, подходы, интерпретации и методы прочтения и изучения творчества Ницше.

Антология «Ф. Ницше: pro et contra» является продолжением проекта «Ф. Ницше и философия в России». Цель настоящего сборника — представить русский образ Ницше, каким он был воспринят и вошел в отечественную культурную традицию на заре XX века. Включенные в данный том эссе маститых писателей рубежа XIX—XX столетий, ставшие сегодня классикой отечественного ницшеведения, — важное свидетельство времени. Знакомство с русской традицией прочтения текстов Ницше, той богатой палитрой интерпретаций его творчества, которая была представлена в печати век назад, необходимо как для уяснения содержания самой философии Ницше, так и для достоверной реконструкции историко-культурной атмосферы той эпохи, во многом определившей интеллектуальную эволюцию и духовные ориентиры россиян в XX веке.

versity Press, 1986); «Ницше и Советская культура: союзник и противник» (Nietzsche and Soviet Culture: Ally and adversary / Ed. by V. Rosenthal. Cambridge University Press, 1994); «Восточная Европа читает Ницше», редакторы-издатели А. Фрайфилд, П. Бергманн и Б. Розенталь (East Europe reads Nietzsche / Ed. by A. Freifeld, P. Bergmann, V. Rosenthal. Columbia University Press, 1998).

В ближайшее время ожидается выход в свет новой книги Б. Розенталь «Новый миф: Новый мир: От Ницше к сталинизму» (New Myth: New World: From Nietzsche to Stalinism).

См. также: *Rosenthal V. A New World for a New Myth: Nietzsche and Russian Futurism // The European Foundations of Russian Modernism / Ed. by P. Barta. NY, 1991. P. 219—250; The Revolution of Moral consciousness: Nietzsche in Russian Literature 1890—1914. Northern Illinois University Press, 1988; Clowes E. Gorky, Nietzsche and God-Building // Fifty Years on: Gorky and His Time. Nottingham, 1987.*